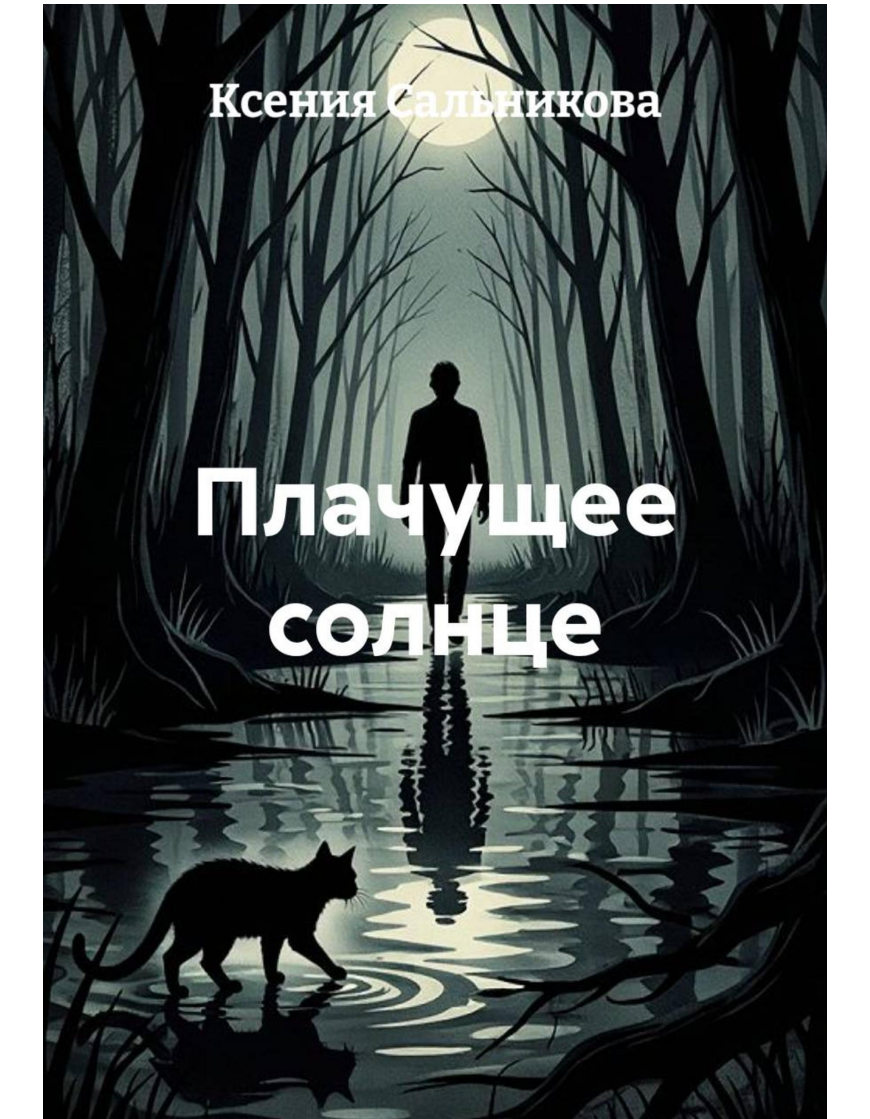

Ксения Сальникова

Плачущее
солнце

Ксения Сальникова

Плачущее солнце

<https://litres.ru/74518468>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этом мире деревья дышат болью, а монстры пахнут страхом.

Фёдора привела сюда травма, но она же может стать ключом к спасению. Он идёт по следам своего кошмара, ведомый странным котом Хвостом. Чем дальше они уходят, тем больше реальность расплывается, как отражение в мутной воде. И вот уже Фёдору кажется, что он слышит голос брата, которого давно потерял... Или это просто тень, которую отбрасывает Плачущее солнце?

Это история о том, как мы прячем свои раны за маской веселья, пока они не начинают гнить изнутри.

Содержание

Глава 1 Поляна двух лун	4
Глава 2 Лес, который пьёт боль.	9

Ксения Сальникова

Плачущее солнце

Глава 1 Поляна двух лун

Первым вернулся запах — сладковатый до тошноты. Прелая листва, мокрая земля и озон после грозы. Запах больницы, но не той, где пахнет хлоркой, а какой-то другой, более густой, как будто воздух сгнил.

Он открыл глаза. Над ним нависал потолок из ветвей деревьев. Трещины в нём превратились в голые стволы, переплетённые так плотно, что небо стало фиолетовым пятном за решёткой. Две луны висели там, словно кто-то забыл выключить две разные лампы: одна огромная, жёлтая, давила светом операционной; вторая — маленькая, синяя, пульсировала в такт боли в затылке. Фёдор сел рывком, и мир качнулся. Желудок подпрыгнул к горлу. Он застонал, хватаясь за голову. Боль была внутренней, распирающей череп изнутри, как будто его мозг пытался проломить кости наружу. Пальцы наткнулись на липкое. Кровь? Или смола? «Я умер?» Мысль пришла без паники. Просто констатация факта. Но тело отказывалось умирать. Оно болело каждой клеточкой. В ушах стоял низкий гул, от которого вибрировали зубы. — Ты чё,

блин... — хрипло выдохнул он, пытаясь встать. Голос сорвался. Горло было пересохшим, язык казался ватным. На вкус во рту был металл и грязь. Вспышка памяти обожгла сознание: кухонный линолеум, жирное пятно под столом, отцовский кулак, летящий мимо носа. Не туда. Инерция несла его дальше. Спиной вперёд. И вот этот мох... Удара о кафедру так и не последовало. Одежда на нём была чужой: штаны из мешковины, рубаха из грубой холщовой ткани. Они были слишком велики, сползали с плеч. Руки тряслись, когда он попытался их поправить. Ноги слушались плохо, колени сгибались сами по себе. Нужно найти тепло. Нужно понять правила игры.

Из-за ближайшего валуна донёсся шорох. Тихий, скребущий. Потом — тяжёлое дыхание. Сердце пропустило удар. Звуки в темноте всегда означали неприятности. Обычно они заканчивались тем, что нужно было бежать или притворяться невидимым. На поляну выкатилось нечто. Сначала показалось — пакет гоняет ветер. Но пакеты не дышат так тяжело. Кот. Худой до невозможности, рыжий, со свалывшейся шерстью. Одно ухо разорвано в мясо. Он выглядел как ветеран уличных войн, проигравший все битвы.

Кот плюхнулся на живот посреди мха, вытянул лапы и посмотрел на Фёдора. Правый глаз — зелёный, злой, живой. Левый — мутно-голубой, неподвижный, стеклянный бельмо. От облегчения Фёдор едва не осел на землю. Не грабитель. Просто кошка. Но облегчение длилось секунду. Что-

то в этом взгляде было неправильным. Слишком разумным. Оценивающим.— Чего вылупился? — прохрипел Фёдор, чувствуя, как краснеют уши. Голос звучал чужим. Кот моргнул своим здоровым глазом. Медленно, тягуче. И снова замер. Это бесило. Фёдор протянул руку, чтобы погладить зверя. Просто потому, что сидеть в тишине под этим фиолетовым небом было невыносимо жутко. Ему внезапно захотелось согреть это костлявое создание, прижать к себе и держать, пока оно не перестанет выглядеть таким потеряннным. Как тогда, когда Лёшка плакал ночами. Пальцы коснулись шерсти. Она оказалась горячей, почти обжигающе горячей для такой холодной ночи. От прикосновения боль в голове отступила на долю секунды, но желудок свело спазмом. Фёдор резко одёрнул руку. Что за бред? Это просто кот. Обычный, грязный, голодный кот. Кот фыркнул, выпустив облачко пара. Затем он поднял левую лапу и прижал её к своему слепому, стеклянному глазу. Жест получился каким-то трогательным и беспомощным. По спине Фёдора прошёл мороз. Он хотел отвернуться, но не мог. Его взгляд притягивал этот единственный живой глаз кота. А потом кот сделал то, чего кошки делать не должны. Он поднялся на задние лапы, опираясь передними на колено Фёдора. И <<заговорил>>. Нет, не словами. Слов не было. Но звук родился прямо между ушами Фёдора. Низкий, скрипучий, похожий на визг старой двери: «Туда». Хвост указал лапой куда-то вглубь леса, где фосфоресцирующий мох становился реже, уступая

место сплошной тьме. Фёдор вздрогнул. Кожа покрылась мурашками. Он знал, что должен бояться этого голоса. Должен кричать «заткнись» и бежать прочь. Но вместо этого он встал. Потому что голос прозвучал знакомо. Очень знакомо.

Они шли молча. Корни цеплялись за ноги, папоротники били по лицу. Лес сжимался вокруг них, становясь всё плотнее. Светящийся мох теперь пульсировал в том же ритме, что и боль в затылке Фёдора, вызывая головокружение. И вдруг тропа закончилась. Прямо перед ними стояла стена корней. Огромный ствол дерева вырос горизонтально над землёй, перегородив путь. Он был толщиной с дом, покрыт трещинами, которые напоминали высохшие реки. Фёдор шагнул ближе, щурясь сквозь туманную пелену сотрясения мозга. По коре ствола тянулись борозды. Кто-то вырезал здесь слова. Буквы были неровными, глубокими, заполненными чем-то тёмным, блестящим. <Здесь нельзя плакать.> Фёдор провёл пальцем по надписи. Смола? Нет. Вязкая, тёплая жидкость стекала ему на ладонь. Он поднёс пальцы к светящемуся мху, чтобы рассмотреть получше. Жидкость была алой. Сзади раздалось тихое урчание Хвоста. Кот смотрел на надпись голубым стеклом своего глаза. А затем медленно повернул голову к Фёдору. Его здоровый зелёный глаз вспыхнул ярче обычного. И в этой вспышке Фёдор увидел отражение того дня. Воду. Холод. Лицо матери, искажённое криком. И себя самого, стоящего на берегу, держащего в руках пустую спасательную жилетку. Мозг дал команду бежать, но ноги от-

казались подчиниться. Потому что эта красная жидкость на коре пахла совсем не кровью. Она пахла <перегаром>.

Глава 2 Лес, который пьёт боль.

Корни деревьев лезли вверх, словно хотели задушить небо. Гул сирен становился всё громче. Теперь он больше походил на скрежет ржавых шестерёнок, перемалывающих металл. Боль в затылке превратилась из молота во что-то другое — в постоянный зуд под кожей, будто кто-то пытался просверлить ему череп изнутри маленькой дрелью.

— Чё? — хрипло спросил Фёдор, спотыкаясь об очередной корень. Голос звучал чужим даже для него самого. Он не мог понять, почему кот тащит его вниз, а не вверх.

Кот даже ухом не повёл. Он тащился впереди, костлявый силуэт, обрисованный зелёным светом единственного зрячего глаза. Его стеклянное бельмо отражало фосфоресцирующий мох так ярко, словно оно само было источником света.

Тропа уходила вниз, петляя между стволами деревьев. Корни лезли под ноги, цепляясь за штаны из мешковины. Каждый шаг отдавался в затылке тупым ударом, но теперь эта боль стала чем-то привычным, фоновым.

Фёдор остановился. Ноги подгибались не столько от сотрясения, сколько от чего-то другого. Запах озона стал гуще, смешавшись с чем-то знакомым — с запахом сырой земли после дождя.

Хвост внезапно замер. Он повернул голову к тропе справа. Там, у поворота, земля изменилась.

Это были не корни. Мох здесь вёл себя иначе. Вместо того чтобы равномерно светиться, он тянулся вверх тонкими нитями, обвивая деревья, словно паутина. Когда Фёдор смотрел на эти нити, его собственный пульс начинал совпадать с их пульсацией.

Он сделал шаг ближе. Земля дрогнула. Гул сирен изменился. Теперь это был не просто вой издалека; это был низкий рокот, идущий снизу, из самой земли.

Мох вокруг начал вести себя странно. Внезапно он перестал быть ровным ковром; он превратился в сеть трещин, которые медленно ползли вверх по корням.

«Оно пьёт», — раздалось в голове. Только это был не надломленный бас, а тихий шёпот. «Чем глубже ты идёшь, тем ярче оно горит».

Они шли дальше. Корни стали влажными, липкими. Они напоминали старые половицы в прихожей. Под ногами постоянно что-то хрустело — то ли ветки, то ли чьи-то кости.

Фёдор наклонился, чтобы поправить штаны. И тут заметил странную деталь.

На пальцах была кровь. Чёрная, густая кровь, похожая на смолу. Она текла с кончиков пальцев, капая на светящийся мох. Капли падали беззвучно, растворяясь в земле.

Но произошло нечто странное.

Там, куда упала чёрная кровь, мох вспыхнул ярче обычного. Светящаяся нить протянулась от капли к ближайшему корню, а затем поползла вверх, создавая новую дорожку.

— Чё происходит?! — прохипел он коту. — Почему оно меняет цвет?

Живой глаз животного следил за новой нитью.

«Слёзы становятся кровью. Кровь становится путём», — прозвучало в голове хрипло, словно кашель.

Тропа вывела их к краю огромной поляны. Деревья стояли стеной по периметру, словно зрители, собравшиеся посмотреть представление. Но смотрели они не на Фёдора.

Они смотрели вверх.

Две луны были здесь совсем другими. Большая жёлтая стала меньше и бледнее, превратившись в обычный фонарь над подъездом. Маленькая синяя луна почти исчезла, растворившись в тумане.

А вместо них...

Над головой висело "Плачущее солнце"

Это была не сфера света. Это была огромная рана-око в небе размером с городскую площадь. Белки были покрыты сетью лопнувших капилляров, от которых вниз тянулись тонкие струи тёмно-красного вещества. Оно падало медленно, беззвучно, превращаясь в воздухе в пыль или туман, который оседал на траве вокруг.

Удар пришёл мгновенно.

Не физический. В глазах Фёдора вспыхнуло белое пятно, перекрывшее весь мир. Боль в затылке взорвалась, стирая грань между реальностью и кошмаром. Ему показалось, что этот белый глаз смотрит прямо на него, сквозь веки, через

кости черепа.

Он рухнул на колени, закрыв лицо руками.

— Заткнись! — рывкнул он вслух, чувствуя, как пальцы впиваются в собственную кожу. — Я никуда не пойду!

Гул сирен, который преследовал его всю дорогу, изменился. Теперь это был не вой издалека. Это был низкий, вибрирующий гул, идущий снизу, из самой земли. Полянка дрожала под ним, словно натянутый барабан.

Внезапно земля под ногами качнулась сильнее обычного сотрясения. Трава начала менять цвет. Там, где капли красного дождя касались её, она чернела, становясь сухой и ломкой, как осенняя листва.

«Оно плачет», — раздалось в голове. «Ты слышишь его слёзы?»

Фёдор поднял взгляд, несмотря на боль. И увидел то, чего не мог видеть раньше:

Под этим огромным белым глазом небо начинало расплываться. Трещины бежали по нему, как паутина, обнажая пустоту за пределами этого мира. Чёрные нити ползли сверху вниз, соединяясь с красными слезами Солнца.

Земля под ногами задрожала сильнее. Мох начал трескаться, открывая узкие щели, которые тут же заполнялись тем же вязким веществом, что сочилось из раны кота.

На месте его собственной свежей царапины, кровь капнула на землю. Мох под ногами вспыхнул ярче обычного, показывая путь наружу.

Хвост сделал два неуверенных шага назад, оставляя тёмный след. Стеклоянное бельмо животного потускнело, превратившись в матовое стекло. Кот больше не вёл себя уверенно; теперь он казался таким же уставшим, как сам герой.

Корни впереди сомкнулись. Они образовали арку над тропой, ведущую внутрь огромного поваленного дерева. Фёдор никогда не видел ничего подобного: ствол был полым внутри, словно кто-то вырезал сердцевину. Изнутри не исходило ни единого огонька мха; там царила абсолютная тьма.

— Что это ? — прохрипел Фёдор, спотыкаясь об очередной корень. Голос звучал чужим даже для него самого. Он сделал ещё один шаг вперёд, и упал.

Фёдор рухнул на одно колено, пытаясь удержать равновесие. Мокрая ткань штанов из мешковины прилипла к ногам. В этот момент кот сделал то, чего кошки делать не должны.

Он подошёл вплотную, прижавшись боком к щеке мальчика. Живой лапой он провёл по руке героя. И оставили четыре параллельных борозды. Через секунду они начали сочиться той самой густой, чёрной кровью.

Фёдор машинально протёр эти полосы рукой. Пальцы стали липкими. От прикосновения боль в затылке отступила ровно настолько, чтобы он мог стоять.

На мгновение ему показалось, что он видит отражение в стеклянном бельме кота. Не лицо брата, а своё собственное — четырнадцатилетнего парня с глазами разного цвета, смотрящего прямо в пустоту.

Живой глаз Хвоста горел яростью.

«Здесь можно спать», — прозвучало в голове голосом Лёши. Только это был уже не глубокий бас, а тихий шёпот. «Но недолго».

Мох вокруг пещеры-корней перестал светиться вовсе. Он превратился в сухую, растрескавшуюся почву. Гул сирен окончательно затих, уступив место звуку собственного пульса.